

ЦЕННОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-269-277

НЕДОСТАТКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В РОССИИ (результаты обобщения экспертных мнений)

С.И. Белов

Центральный музей Великой Отечественной войны 1941—1945 годов
ул. Братьев Фонченко, 10, Москва, Россия, 121170

Представленное исследование посвящено теме недостатков формирования российской политики памяти. Цель данной работы заключается в выявлении проблем, существующих в данной области, и выработке предложений по их устранению. В основу статьи легли материалы 10 экспертных интервью. Методологическую базу работы формируют экспертное интервью и дескриптивный анализ. Оценка эффективности мемориальной политики производится экспертами с прагматических позиций: в качестве ее основных задач позиционируются позитивного образа России на внутри- и внешнеполитической арене, формирование и укрепление национально-государственной идентичности и консолидация общества. Попытки использования политики памяти как инструмента урегулирования международных отношений путем уступок оцениваются экспертами негативно. Выстраивание национальной политики памяти предполагается исключительно на основе «памяти победителей». Обращение к дискурсу «памяти побежденных» рассматривается как деструктивный подход, чреватый серьезными политическими рисками. К числу последних относятся размывание российской идентичности, партикуляризация общества, рост социальной аномии, увеличение влияния политических и религиозных радикалов. В качестве основных «болевых точек» мемориальной политики России выделены ее конъюнктурный характер, противоречивый, сложный характер содержательной стороны, игнорирование зарубежного опыта и наличие устаревших элементов в инструментарии воздействия на целевую аудиторию. Обосновывается необходимость качественного освоения новых форматов коммуникации с целевой аудиторией (ведение видеоблогов, создание комиксов, многосерийных мультфильмов, ориентированных на молодежь и взрослую аудиторию). В качестве наиболее позитивных примеров выстраивания политики памяти обозначены кейсы США и Японии.

Ключевые слова: политика памяти; историческая память; политический миф

Введение. Политика памяти представляет собой одно из основных направлений работы государства и общественных институтов в рамках формирования идентичности граждан. Существующая в массовом сознании относительно устойчивая версия истории играет в современном обществе роль основы национально-гражданской идентичности и культурной преемственности поколений [1; 2]. Разрушение же единой картины прошлого приводит к утрате людьми собственной идентичности, в результате чего ранее единый народ перестает ощущать

себя таковым. Закономерным результатом такого положения дел становится рост политического экстремизма в формах национал-шовинизма и сепаратизма. Люди, лишенные собственной исторической и культурной идентичности, автоматически превращаются в целевую аудиторию для идеологов политических и религиозных радикалов.

Несмотря на обозначенную важность мемориальной политики для российского общества, один из ключевых аспектов данной темы — недостатки формирования политики памяти — остается достаточно малоизученным. Исследования, публикуемые экспертами в области мемориальной политики, затрагивают указанную сторону темы лишь косвенным образом, в контексте более общих вопросов (В.А. Ачкасов, К.Ф. Завершинский,) либо в рамках изучения смежных тем (О.Ю. Малинова, А.И. Миллер, Е.Е. Вяземский, Д.И. Гигаури, Ж.Г. Попова) [1; 8; 10; 11; 5; 6; 12]. Отдельные аспекты заявленной темы исследуются в контексте освоения тем исторической памяти (В.Э. Бойков, Ю.С. Васютин, Е.С. Панова, А.О. Столяров, Г.Л. Тульчинский) и коллективной идентичности (А.В. Дахин) [3; 4; 14; 16; 7].

Целью данного исследования является частичное восполнение данной лакуны в системе знаний относительно политики памяти России. Путь к ее достижению лежит через выявление недостатков российской мемориальной политики и формулирование предложений по их устранению.

Материалы и методы. При написании данной работы использовались материалы экспертных интервью, подвергнутые дескриптивному анализу. В серии из 10 экспертных интервью приняли участие специалисты в области политологии, политтехнологий, истории, патриотического воспитания и организации работы с молодежью, причастные к систематической реализации программ мемориальной политики. В рамках представленного исследования подвергнуты освещению, обобщению и анализу только конвенциональные (консенсусные) позиции, выраженные опрошенными экспертами. Сюжеты, в отношении которых мнения опрошенных экспертов отличались, не нашли отображения в представленной работе. Текст, отмеченный курсивом и взятый в кавычки, является цитированием материалов экспертных интервью.

Результаты. Как отмечают эксперты, одной из базовых проблем российской политики памяти является ее конъюнктурный характер. Интерпретация событий прошлого может кардинально меняться в зависимости от тактических задач внешне- и внутривнутриполитической повестки. Идеальная модель политики памяти предполагает преобладание подходов к трактовке ключевых (в первую очередь — травмирующих) эпизодов национальной истории, даже если на научном уровне они становятся поводом для дискуссии. Официальные лица США последовательно и жестко реагируют на попытки позиционирования атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки как военного преступления. Власти Японии занимают сходную позицию относительно трактовок истории «нанкинской резни» и института «женщин для утешения». Турецкая политическая элита продолжает отрицать геноцид армян и анатолийских греков. Руководство стран Восточной Европы болезненно реагирует на попытки исследователей обратиться к теме

депортации этнических немцев после завершения Второй мировой войны. Даже в Германии фиксируются активные попытки истеблишмента провести отстройку от «нацистского прошлого» без формирования комплекса вины. В массовое сознание внедряется теория «чистого вермахта» (провозглашающая, что Вооруженные Силы Германии не причастны к военным преступлениям на оккупированных территориях), широко эксплуатируются темы насилия войск союзников (в первую очередь — Сил Красной Армии) над мирным населением, гибели немецких военнопленных на территории СССР, ответственности стран Запада за приход к власти нацистов в контексте создания Версальской системы и т.д.

«Оценка одного и того же события или исторического деятеля меняются от случая к случаю. Политики постоянно подстраиваются под определенную аудиторию, в результате чего закономерно возникают противоречия в позиционировании. С одной стороны, распад СССР описывается как „величайшая геополитическая катастрофа XX века“, а с другой стороны мы наблюдаем позитивные оценки деятельности политиков, способствовавших этому процессу».

«Постоянные смены трактовки официальной истории приводят к тому, что люди банально утрачивают к ней доверие. Сама историческая наука начинает восприниматься как „политический флюгер“, следующий за конъюнктурой».

«США жестко придерживаются линии, согласно которой бомбардировка Хиросимы была необходима. Турция отрицает геноцид армян. Японцы активно доказывают, что масштабы нанкинской трагедии сильно преувеличены. Их политики делают щедрые пожертвования храму Ясукуни. Про реакцию Токио на памятник „женщинам для утешения“ в Пусане всем известно. Германия всеми силами добивается для своего народа статуса жертвы Второй мировой войны. На этом фоне позиция российского руководства выглядит странно...»

По мнению экспертов, российские политики демонстрируют принципиально иной подход к выстраиванию мемориальной политики. Ярким примером тому может служить резкая и кардинальная смена позиции официальной Москвы по отношению к катынскому инциденту в период нахождения на посту Президента Д.А. Медведева. Российские власти собственными руками существенно укрепили антиобраз СССР, во многом нивелировав результаты собственных усилий по формированию позитивного образа Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

«...признание Москвой польской версии катынских событий фактически означало моральное уравнивание советского и нацистского режимов. Каким после этого должно было стать восприятие поляками освобождение Польши Красной Армией? Естественно, что после такого, советских солдат начали еще увереннее рассматривать в качестве оккупантов, мало отличимых от нацистов».

«К чему привела попытка наладить отношения с Варшавой за счет признания польской версии катынских событий? К подрыву системы представлений о Красной армии как освободительнице Европы. К еще большей демонизации Советского Союза и его правопреемника — России. К усилению у самих россиян, в первую очередь — представителей молодежи, убежденности в преступности советского режима. Что еще больше подорвало роль Великой Отечественной войны как системообразующего элемента объединяющего исторического нарратива».

Параллельно действия Москвы дали польским политикам весомый повод для предъявления требований моральной и материальной компенсации. Реакция на эти требования со стороны Кремля еще более показательна: была предпринята попытка акцентировать внимание на том, что граждане СССР также являлись жертвами советского режима, ответственного за гибель польских пленных в Катыни, и потому находились в том же положении, что и расстрелянные поляки. Фактически политическое руководство России заявило о том, что Советский Союз в 1930—1940-х гг. мало отличался от той же нацистской Германии [9; 13; 15]. Это не просто напрямую противоречило патриотическому дискурсу, но и наносило удар по советскому символическому наследию — одному из базовых элементов современной российской идентичности, предложить адекватную замену которому истеблишмент до сих пор не смог.

Как считают опрошенные эксперты, к числу существенных недостатков российской политики памяти следует отнести также противоречивый, сложный характер ее содержательной стороны. Транслируемая в сознание масс картина событий прошлого априори носит характер политического мифа: авторы трактовок национальной истории вынуждены упрощать описание и оценку реально имевших место событий, адаптируя материал к уровню восприятия целевой аудитории. Данный подход предполагает, помимо прочего, использование четкой дихотомии: тот или иной исторический деятель не может быть одновременно героем и злодеем, большинство среднестатистических реципиентов просто не смогут осознать дуализм его судьбы.

«Для большинства обывателей картина прошлого достаточно примитивна. Есть условные „плохие“ и „хорошие парни“. Эта схеме соответствует привычным культурным стереотипам. Попытки дать более сложную картину событий или несколько версий ее интерпретации в лучшем случае приведут к непониманию, в худшем — к формированию групп с диаметрально противоположными взглядами относительно того или иного явления».

«Обратите внимание на то, какие усилия прилагают американцы, чтобы обелить фигуры Вашингтона и Джефферсона, замолчать факт того, что они являлись рабовладельцами. А много ли внимания уделяется роли Делано Рузвельта в создании лагерей для американцев японского происхождения? Кто помнит о том, что Остин и Крокетт отстаивали не просто независимость Техаса, но и право его жителей владеть рабами? Такого рода эпизоды специально оставляют для академического сообщества, а массам оставляют идеализированные образы. Это вполне естественно: в конце концов, символ должен быть эталоном, идеалом».

В настоящий момент до среднестатистического россиянина пытаются донести целый ряд противоречащих друг другу посылов относительно событий прошлого. Так, образ советского народа — победителя нацизма, народа — творца пытаются сочетать с представлением о 4 млн доносов, написанных на друзей и соседей в 1930-х гг. Помимо того, игнорируется потребность в формировании яркого образа врага в случае дихотомической подачи материала.

Ряд исторических сюжетов, впрочем, малопригоден для демонстрации в данном ключе. Последнее в первую очередь касается внутренних конфликтов, в первую очередь — относящихся к ближней ретроспективе (таких как, например, гражданская война в России). Демонстрация одной из сторон противостояния исключительно в негативном ключе, а другой — в сугубо положительном контексте способна привести к частичной реанимации старого политического конфликта даже в том случае, если его реальные причины устранены. Роль движущего фактора в данном случае могут сыграть либо эмпатические связи между родственниками (потомки участников конфликта могут пожелать «отстоять честь предков»), либо идеологическое родство/преемственность между современными политическими структурами и существовавшими в прошлом институтами. Конструктивно отобразить соответствующие исторические сюжеты можно лишь путем создания объединяющего, примиряющего исторического нарратива.

«Давайте вспомним ситуацию на Украине или недавние протесты в Вирджинии. В обоих случаях корни конфликта уходят к попыткам выстроить идентичность на основе демонизации и фактической дискриминации определенной социальной группы. Результатами этого стали распад консолидирующей национально-государственной идентичности и эскалация противостояния».

«В массовой культуре постсоветской России большевики, красные, революционеры были демонизированы. Их противники, напротив, подверглись идеализации. Были предприняты попытки выстроить национальную идентичность за счет обращения к их памяти. При этом игнорировалась как позиция носителей остатков советской идентичности, так и то обстоятельство, что предки большинства россиян в ходе гражданской войны либо заняли сторону красных, либо не оказали поддержки белым. Не учитывалось и то, что в памяти масс слишком свежи воспоминания о сотрудничестве отдельных лидеров белого движения с нацистской Германией».

«События, происходившие в ретроспективе последних 80—100 лет, имеют особую значимость для населения, так как их подпитывает живая память, семейная история. События, охватываемые этим периодом, всегда будут иметь особую значимость, так как их восприятие обладает лично значимым окрасом. Страдания крестьянина XVII века — это одно, а испытания, вытравившие, допустим, твоему прадеду, которого ты знал лично — совершенно другое. Именно поэтому к трактовке социальных и политических конфликтов, охватываемых этим промежутком, нужно относиться очень осторожно. Свою роль при этом играет, безусловно, и преемственность идеи и учения (российские скинхэды, например, не имеют прямой связи с немецкими нацистами, но воспринимают их наследие через символический ряд). Однако ключевое значение имеют все же связи, основанные на сопереживании старшим кровным родственникам».

Как полагают эксперты, серьезным препятствием для реализации политики памяти в России остается во многом устаревший багаж методов патриотического воспитания. Многие из них были разработаны еще в советский период и утратили

актуальность еще как минимум в 1980-х гг. Пассивность, с которой граждане СССР встретили распад своей страны, служит наглядным тому доказательством. Однако этот опыт так и не стал стимулом к полномасштабному пересмотру методики патриотического воспитания в контексте формирования исторической памяти. Усилиями педагогов-новаторов были разработаны и внедрены некоторые новые формы работы, а также изменена содержательная сторона патриотического воспитания. Однако использование инновационных практик продолжает сочетаться с применением устаревших техник и подходов. В частности, в ходе решения задачи переубеждения целевой аудитории в истинности того или иного факта не учитывается то, что «разоблачаемое» знание чаще всего имеет образную, эмоциональную природу, и потому устойчиво к критике при помощи рациональных фактов. Также не учитывается то, что разного рода исторические заблуждения человека зачастую основываются на семейном опыте (память родителей, бабушек, дедушек) или убежденности в собственных способностях к аналитике. Недооцениваются новые форматы коммуникации с аудиторией. До сих пор не использован такой перспективный канал воздействия, как видеобзоры на фильмы и игры, посвященные историческим событиям. Почти не востребованным остается также ценный опыт стран Восточной Азии в плане популяризации истории при помощи комиксов и мультипликации.

«На практике патриотическое воспитание очень часто, особенно — в провинции, пытаются выстроить по методичкам еще советских времен».

«Работа очень часто выстраивается без учета того, с какой аудиторией предстоит выступить, каким образом ей внушаются те или иные убеждения. Многие не понимают, что апеллировать к фактам в процессе общения с буквально „верующим“ в истинность слов фальсификатора человеком бесполезно. Ему нужно противопоставить яркий образ, обратиться к сфере иррационального...».

«Вопреки стереотипам, интернет-общественность давно осваивает поле исторической памяти. Вспомните хотя бы передачу „Разведопрос“ или обзоры Баженова на исторические фильмы... Но этот потенциал не используется».

«Почему не используется опыт Японии, Китая, Кореи? Наиболее значимые вехи истории этих стран хорошо известны их молодежи, так как успешно перекочевали на страницы манги или нашли отображения в аниме и дорамах... Неужели мы не можем позаимствовать этот опыт?...».

Выводы. В целом же можно отметить, что основными пороками мемориальной России на сегодняшний день являются ее конъюнктурный, изменчивый характер, наличие внутренних противоречий в содержательной стороне, игнорирование зарубежного опыта и присутствие устаревших элементов в инструментарии воздействия на целевую аудиторию. Также необходимо подчеркнуть, что оценка качества мемориальной политики производится экспертами с прагматических позиций: целью политики памяти, с точки зрения опрошенных специалистов, является продвижение позитивного образа прошлого России на внутри- и внешнеполитической арене, формирование и укрепление национально-государственной идентичности. Попытки использования политики памяти как инструмента урегу-

лирования международных отношений путем уступок оцениваются экспертами негативно. Выстраивание национальной политики памяти предполагается в рамках дискурса примирения, синтеза «памяти победителей» и памяти «побежденных». Иные подходы рассматриваются как чреватые чрезмерными политическими рисками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ачкасов В.А.* «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4. С. 106—123.
2. *Белов С.И.* Советский политический миф: причины гибели, содержательное и символическое наследие // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. Вып. 65. С. 45—56.
3. *Бойков В.Э.* Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социс. 2002. № 8. С. 85—89.
4. *Васютин Ю.С., Панова Е.С.* Историческая память: институционализация в общественном сознании и в государственной политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 3. С. 104—112.
5. *Вяземский Е.Е.* Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С. 89—97.
6. *Гигаури Д.И.* Политика памяти как символический фактор легитимации внешней политики государства (на примере присоединения Крыма к России) // Россия в новом геополитическом измерении. Материалы VII международной молодежной конференции. Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2016. С. 7—11.
7. *Дахин А.В.* Коллективная память и идентичность в современной России: от философии к политике светской социализации гражданина // Диалог мировоззрений: историческая память в условиях общественных изменений. Материалы XIII Международного симпозиума. М., 2015. С. 11—14.
8. *Завершинский К.Ф.* Символические структуры политической памяти // Символическая политика: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / отв. ред. О.Ю. Малинова. С. 149—163.
9. Заявление Государственной Думы «О Катынской трагедии и ее жертвах». Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1547722>. Дата обращения: 08.08.2017.
10. *Малинова О.Ю.* Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 3—4. С. 106—122.
11. *Миллер А.И.* Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2013. № 4 (71). С. 114—126.
12. *Попова Ж.Г.* Лакуны в мемориальной политике: память о депортациях из Литвы в 1940-е гг. // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 3. С. 407—420.
13. Представитель президента Польши не исключает возможности предъявления России требований о компенсации за Катынь. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1351087.html>. Дата обращения: 09.09.2017.
14. *Столяров А.О.* Интеграция Польши с Европейским Союзом и историческая память польских политиков о России и СССР // Клио. 2014. № 8 (92). С. 93—100.
15. Трагедия в Катыни: расплатиться по счетам. Режим доступа: http://rapsinews.ru/international_publication/20110413/252234310.html. Дата обращения: 08.09.2017.
16. *Тульчинский Г.Л.* Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. 2015. № 5. С. 24—33.

DISADVANTAGES OF THE FORMATION OF THE MEMORY POLICY IN RUSSIA (the results of the generalization of expert opinions)

S.I. Belov

Central Museum of the Great Patriotic War 1941—1945
Bratiev Fonchenko str., 10, Moscow, Russia, 121170

Abstract. The presented research is devoted to the topic of shortcomings in the formation of the Russian policy of memory. The purpose of this work is to identify the problems existing in this field, and to develop proposals for their elimination. The article was based on materials from 10 expert interviews. Methodological base of work is formed by expert interview and descriptive analysis. The effectiveness of the memorial policy is evaluated by experts from pragmatic positions: Russia's positive image on the domestic and foreign policy arena, the formation and strengthening of national-state identity and the consolidation of society are positioned as its main tasks. Attempts to use the policy of memory as an instrument for settling international relations by concessions are assessed negatively by experts. The building of a national memory policy is assumed solely on the basis of the “memory of the winners”. The appeal to the discourse of “the memory of the vanquished” is seen as a destructive approach fraught with serious political risks. Among the latter include the erosion of Russian identity, the particularization of society, the growth of social anomie, the increase in the influence of political and religious radicals. As the main “pain points” of Russia's memorial policy, its opportunistic nature, the controversial, complex nature of the content side, ignoring foreign experience and the presence of obsolete elements in the toolkit impact on the target audience are highlighted. The necessity of qualitative mastering of new formats of communication with the target audience is grounded (video blogging, creation of comics, multi-serial animated films targeting young people and adult audiences). The most positive examples of building a memory policy are the cases of the USA and Japan.

Key words: memory policy, historical memory, political myth

REFERENCES

1. Achkasov V.A. “Politika pamyati” kak instrument stroitel'stva postsocialisticheskikh nacij. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2013; Vol. XVI; 4: 106—123. (In Russ.).
2. Belov S.I. Sovetskij politicheskij mif: prichiny gibeli, sodержatel'noe i simvolicheskoe nasledie. *Gosudarstvennoe upravlenie. EHlektronnyj vestnik*. 2017; 65: 45—56. (In Russ.).
3. Bojkov V.EH. Sostoyanie i problemy formirovaniya istoricheskoy pamyati. *Socis*. 2002; 8: 85—89. (In Russ.).
4. Vasyutin YU.S., Panova E.S. Istoricheskaya pamyat': institucionalizaciya v obshchestvennom soznanii i v gosudarstvennoj politike. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk*. 2016; Vol. 11; 3: 104—112. (In Russ.).
5. Vyazemskij E.E. Istoricheskaya politika gosudarstva, istoricheskaya pamyat' i sodержanie shkol'nogo kursa istorii Rossii. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2011; 6: 89—97. (In Russ.).
6. Gigauri D.I. Politika pamyati kak simvolicheskij faktor legitimacii vneshnej politiki gosudarstva (na primere prisoedineniya Kryma k Rossii). *Rossiya v novom geopoliticheskom izmerenii Materialy VII mezhdunarodnoj molodezhnoj konferencii*. Sankt-Peterburg: OOO «Skifiya-print»; 2016: 7—11. (In Russ.).
7. Dahin A.V. Kollektivnaya pamyat' i identichnost' v sovremennoj Rossii: ot filosofii k politike svetskoj socializacii grazhdanina. *Dialog mirovozzrenij: istoricheskaya pamyat' v usloviyah obshchestvennykh izmenenij. Materialy XIII Mezhdunarodnogo simpoziuma*. Moscow; 2015: 11—14. (In Russ.).

8. Zavershinskij K.F. Simvolicheskie struktury politicheskoj pamyati. *Simvolicheskaya politika: sb. nauch. tr. Vyp. 1. Konstruirovaniye predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs. Otv. red. O.YU. Malinova*. Moscow: INION RAN; 2012: 149—163. (In Russ.).
9. *Zayavlenie Gosudarstvennoj Dumy "O Katynskoj tragedii i ee zhertvah"*. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/1547722>. (In Russ.).
10. Malinova O.YU. Tema proshlogo v ritorike prezidentov Rossii. *Pro et Contra*. 2011; Vol. 15; 3—4: 106—122. (In Russ.).
11. Miller A.I. Rol' ehkspertnyh soobshchestv v politike pamyati v Rossii // *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz (ZHurnal politicheskoj filosofii i sociologii politiki)*. 2013. № 4 (71). S. 114—126. (In Russ.).
12. Popova ZH.G. Lakuny v memorial'noj politike: pamyat' o deportacijah iz Litvy v 1940-e gg. *ZHurnal issledovanij social'noj politiki*. 2015; Vol. 13; 3: 407—420. (In Russ.).
13. Predstavitel' prezidenta Pol'shi ne isklyuchaet vozmozhnosti pred'yavleniya Rossii trebovanij o kompensacii za Katyn'. Available from: <https://regnum.ru/news/1351087.html>. (In Russ.).
14. Stolyarov A.O. Integraciya Pol'shi s Evropejskim Soyuzom i istoricheskaya pamyat' pol'skih politikov o Rossii i SSSR. *Clio*. 2014; 8 (92): 93—100. (In Russ.).
15. Tragediya v Katyni: rasplati'sya po schetam. Available from: http://rapsinews.ru/international_publication/20110413/252234310.html. (In Russ.).
16. Tul'chinskij G.L. Istoricheskaya pamyat' v simvolicheskoj politike i informacionnye vojny. *Filosofskie nauki*. 2015; 5: 24—33. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Белов Сергей Игоревич — кандидат исторических наук, заместитель заведующего научно-методическим отделом Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 годов (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

Information about the author:

Belov Sergey Igorevich — PhD, deputy head of scientific-methodical department of Central Museum of the Great Patriotic War 1941—1945 (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 12.12.2017.

Received 12.12.2017.